

Динамика исторической памяти: «История Аарона» как история Холокоста

Виктория Я. Малкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, poetika@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуется динамика исторической памяти на примере израильского короткометражного фильма «История Аарона Барака: история Холокоста» (2021), посвященного одному из эпизодов Холокоста: бегству из каунасского гетто и спасению еврейского мальчика, впоследствии ставшего председателем Верховного суда Израиля. Процесс репрезентации памяти об этом эпизоде проходит несколько стадий: личная память Аарона Барака, зафиксированная в его выступлениях и интервью, медиация этой памяти в СМИ, когда она становится уже частью коллективной коммуникативной памяти, и, наконец, ремедиация в фильме. В процессе ремедиации расширяется аудитория: во-первых, за счет детей, на которых, в первую очередь, ориентирован фильм, во-вторых (после его перевода на английский язык) – за счет англоязычной аудитории. В фильме используется несколько медиа (игровое кино, документальная кинохроника, личные и исторические фотографии, анимация, видеорепортажи, видеообращение), которые способствуют разноплановому, в том числе визуальному и эмоциональному, восприятию рассказываемой истории. Также большое значение в процессе ремедиации приобретают этические аспекты, подчеркнутые самим Аароном Бараком. В целом данный фильм можно рассматривать как часть процесса формирования культурной (в терминологии Я. Ассмана) памяти о Холокосте.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, постпамять, динамика памяти, ремедиация, память и медиа, Холокост

Для цитирования: Малкина В.Я. Динамика исторической памяти: «История Аарона» как история Холокоста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 7. С. 72–83. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-7-72-83

The dynamics of historical memory. “The Story of Aharon Barak: A Holocaust Story”

Victoria Ya. Malkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
poetika@gmail.com*

Abstract. This paper explores the dynamics of historical memory through the example of the Israeli short film “The Story of Aharon Barak: A Holocaust Story” (2021), which is dedicated to one of the episodes of the Holocaust: the escape from the Kaunas ghetto and the rescue of a Jewish boy who later became the President of the Supreme Court of Israel. The process of representing the memory of this episode goes through several stages: the personal memory of Aharon Barak, recorded in his speeches and interviews, the mediation in the mass media, when it becomes part of the collective communicative memory, and, finally, the remediation in the film. In the process of remediation, the audience expands: firstly, at the expense of children, to whom the film is primarily aimed, and secondly (after its translation into English) – at the expense of the English-speaking audience. The film uses several media (feature film, documentary newsreel, personal and historical photographs, animation, video reports, video message), which contribute to a diverse, including visual and emotional, perception of the story being told. Also of great importance in the process of remediation are the ethical aspects emphasised by Aaron Barak himself. Overall, the film considered to be a part of the process of creating a cultural (in J. Assman’s terms) memory of the Holocaust.

Keywords: historical memory, cultural memory, postmemory, memory dynamics, remediation, memory and media, Holocaust

For citation: Malkina, V.Ya. (2024), “The dynamics of historical memory. ‘The Story of Aharon Barak: A Holocaust Story’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 72–83, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-7-72-83

Проблема исторической памяти очень активно обсуждается в гуманитарных науках с начала XX в., так что сейчас говорят уже о третьей волне *memory studies* (исследований памяти). Дискуссии о том, как соотносятся история и память, память и документ, личная и коллективная память и т. п., не прекращаются уже более столетия. Одним из направлений *memory studies* является изучение динамики исторической памяти – т. е. исследование того, как именно изменяется/преобразуется со временем память о каком-либо событии и ее репрезентация в тех или иных медиа.

Наша статья относится как раз к этому направлению. Ее цель – на одном конкретном примере рассмотреть динамику памяти о Холокосте, ее медиацию и ремедиацию.

Материалом послужит израильский короткометражный фильм «История Аарона» (אהרן של סיפור)¹, выложенный в 2021 г. на YouTube-канале Яд Вашем (יד ושם) – израильского музея Холокоста. В 2022 г., к Международному дню Холокоста, там же был выложен и дублированный английский вариант под расширенным заглавием “The Story of Aharon Barak: A Holocaust Story” [«История Аарона Барака: история Холокоста»]². Фильм был создан Международной школой изучения Холокоста при музее Яд Вашем (Иерусалим) вместе с Министерством образования Израиля, сценарист и режиссер – Шира Феликс (Shira Feliks). В английском заглавии фильм обозначен как анимационный, хотя в описании сказано, что это не совсем так, и анимация в нем сочетается с другими техническими средствами: “Combining animation with archival footage, this film tells the story of Aharon Barak’s experiences during the Holocaust and his rescue by a Righteous Among the Nations”³ [В этом фильме, сочетающем анимацию с архивными кадрами, рассказывается история Аарона Барака, пережившего Холокост, и его спасение Праведником народов мира]. Фильм рассчитан, в первую очередь, на детскую аудиторию, его очевидная цель – рассказать израильским детям о Холокосте понятно, не очень страшно и на примере, который вовлек бы и эмоции, и интеллект. В то же время этот фильм можно рассматривать как пример репрезентации исторической памяти о Холокосте.

Понятие исторической памяти было введено в научный оборот Морисом Хальбваксом. Говоря о коллективной памяти, он подразделяет ее на память автобиографическую (личную, внутреннюю) и историческую (внешнюю, социальную) [Хальбвакс 2005]. В свою очередь, основываясь на определении Л.П. Репиной, мы рассматриваем историческую память как форму индивидуального и/или коллективного осмысления исторического прошлого и его символической репрезентации [Репина 2003, с. 10].

Историческая память – разновидность памяти коллективной. А коллективная память (в отличие от личной) – не физиологи-

¹ אהרן של סיפור. [История Аарона] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bqbs8gTBjFA> (дата обращения 22 февраля 2023).

² The Story of Aharon Barak: A Holocaust Story. URL: <https://youtu.be/k5RVBCAX6IE> (дата обращения 22.02.23). В дальнейшем исследовании мы будем опираться именно на этот, дублированный англоязычный вариант фильма. Цитаты даются по данному источнику в нашем переводе.

³ Ibid.

ческий процесс, а социальный конструкт. Опираясь на классификацию Я. Ассмана, можно выделить два варианта ее функционирования (передачи): коммуникативную и культурную память. Коммуникативная память – биографическая; это то, что передается непосредственно в процессе коммуникации, то есть на протяжении трех-четырех поколений от свидетелей тех или иных событий: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками» [Ассман 2004, с. 52]. Культурная память сохраняется гораздо дольше, но требует усилий по ее сохранению – специальных носителей памяти, медиапамяти и т. д.: «...в противоположность коммуникативной памяти, культурная память не распространяется сама собою, а нуждается для этого в специальной заботе» [Ассман 2004, с. 57], поскольку «прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [Ассман 2004, с. 54].

И коммуникативная, и культурная память могут способствовать формированию того, что М. Хирш называла постпамятью (postmemory): «...категория постпамяти описывает позицию, которую “поколение после” занимает по отношению к личной, коллективной и культурной травме или трансформации живших прежде – к событиям или историческим периодам, которые они “помнят” (или хотели бы помнить) лишь благодаря рассказам, изображениям. <...> Но эти события были переданы им на таком глубинном и эмоциональном уровне, что сами становятся словно бы полноправными воспоминаниями» [Хирш 2021, с. 7–8]. Однако для сохранения исторической памяти недостаточно только прямой коммуникации с участниками и свидетелями событий. Ж. Ле Гофф писал, что «не существует коллективной памяти в чистом виде» [Ле Гофф 2013, с. 89]: она возможна только тогда, когда есть материальные носители, которые ее передают – от берестяных грамот до фотографий. Более того: память об одном и том же событии не статична. Даже личные воспоминания меняются со временем: что-то забывается, и забытое заменяется воображаемым. Тем более это относится к коллективной памяти, которая складывается на протяжении длительного периода времени в процессе коммуникации различных субъектов. Отсюда необходимость изучения не просто памяти как таковой, а ее динамики, в том числе и репрезентации в различных современных медиа.

Об этом, в частности, писали А. Эрл и Э. Ригней. Они опираются на введенный Дж. Болтером и Р. Грусиным термин «ремедиация» (remediation), под которым понимается «репрезентация одного медиа в другом». При этом важно, что «ремедиация является опреде-

ляющей характеристикой новых цифровых медиа», поскольку есть целый «спектр различных способов, с помощью которых цифровые медиа ремоделируют своих предшественников, причем этот спектр зависит от степени предполагаемого соревнования или противостояния между новыми и старыми медиа» [Bolter, Grusin 2000, p. 45]. Термин ремедиации памяти для нас важен, поскольку это именно тот процесс, который вовлечен в динамику исторической памяти – в частности, это происходит и в рассматриваемом нами фильме.

А. Эрл и Э. Ригней применяют данное понятие к исследованию культурной памяти, подчеркивая, что «как не существует культурной памяти до медиации, так не существует и медиации без ремедиации: все репрезентации прошлого опираются на имеющиеся медиатехнологии, на существующие медиапродукты, на модели репрезентации и медиаэстетику» [Erl, Rigney 2009, p. 4). По сути, наша коллективная память формируется за счет опосредования различными медиа. И важен не только результат (*что* мы помним сейчас о том или ином событии), но и процесс становления памяти (*как* сложилось то, что мы помним сейчас), т. е. какими способами и при помощи каких средств формировалась динамика исторической памяти. Рассмотрим с этой точки зрения фильм «История Аарона Барака: история Холокоста».

Аарон Барак (ברק אהרן) – очень известный человек в Израиле, хотя отношение к нему и не всегда однозначное. В молодом возрасте он стал сначала судьей, а потом председателем Верховного суда Израиля, и за эти годы были сделаны важные изменения в судебной системе страны, влияющие на ее жизнь до сих пор. Даже дети вполне могут знать его имя из новостей или разговоров взрослых.

Аарон Барак родился в 1936 г. в Каунасе, в Литве: тогда его звали Арик Брик. Годы войны он с родителями провел в Каунасском гетто, чудом избежал Каунасской резни и гибели в так называемой «детской акции», когда отобрали и уничтожили почти всех еврейских детей. Барак с матерью смогли бежать из гетто и до конца войны скрывались у литовского фермера, потом признанного Праведником народов мира⁴. После войны семья репатриировалась в Израиль, где Аарон Барак окончил юридический факультет Еврейского университета в Иерусалиме. С 1968 г. он стал там

⁴ «Праведник народов мира – это официальное звание, присуждаемое Мемориалом Яд Вашем от имени государства Израиль и еврейского народа, тем неевреям, которые рисковали своей жизнью ради спасения евреев в период Холокоста». Яд Вашем: Мемориальный комплекс истории Холокоста. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/faq.html> (дата обращения 10 июля 2023).

работать (сначала профессором, потом деканом), получил Государственную премию Израиля в номинации «Право» в 1975 г., три года (1975–1978) был юридическим советником главы правительства, после чего, в 1978 г., стал самым молодым в истории Израиля судьей Верховного суда. С 1995 по 2006 г. он этот суд возглавлял, а после отставки вернулся к преподаванию права, чем и занимается до сих пор. В январе 2024 г. Барак, как один из самых известных в мире израильских юристов, защищал Израиль на слушаниях Международного суда в Гааге⁵.

О своем детстве и пережитом во время Холокоста Аарон Барак вспоминал и рассказывал достаточно часто, но в основном в интервью и выступлениях на юридические и общественно-политические темы. Так, в выступлении на ежегодной израильской конференции Ассоциации адвокатов в 2002 г. он говорил, что вынес из своего опыта Холокоста уроки о важности сильного государства Израиль, а также достоинства и свободы и что именно это стало основой его работы судьей:

В июле 1941 г. мне было 5 лет, когда немцы оккупировали город Ковно в Литве, где я жил. Начался ад. <...> Я чудом остался жив, чудом же оказался вместе с матерью у литовского крестьянина – праведника народов мира, который спас нас, пока не пришла Красная Армия и не освободила нас от немцев. <...>

С тех пор я всегда спрашивал себя, какие уроки я извлек из всего этого. <...> Таких уроков два: первый урок – это важность государства Израиль, сильной армии – многое из того, что случилось с нами, не произошло бы, если бы в то время было государство Израиль. <...> Второй урок заключается в том, что нет ничего важнее человека, нет ничего важнее свободы, чести⁶.

В 2021 г. в интервью немецкому юридическому журналу он говорил, что примерно тогда же, в 2003-м, читая лекцию, посвященную памяти о Холокосте, он задумался о том, насколько этот опыт повлиял на его представления о законе и справедливости, и понял,

⁵ См., например, новость и комментарии: “The Times of Israel”: Israel tasks ex-Supreme Court chief Aharon Barak to serve at Hague genocide hearings. URL: <https://www.timesofisrael.com/israel-tasks-ex-supreme-court-chief-aharon-barak-to-serve-at-hague-genocide-hearings/> (дата обращения 11 сентября 2024).

⁶ מהשואה שלמדתי הלקחים: ברק [Барак: Уроки, которые я вынес из Холокоста]. URL: <http://www.news1.co.il/archive/003-D-1205-00.html?tag=22-03-18> (дата обращения 22 февраля 2023).

что многое в своей юридической практике вынес именно оттуда⁷. О том же он рассказывал в своем выступлении в январе 2024 г. в Международном суде в Гааге⁸.

Акцент в его речах делается не на воспоминаниях о выживании в гетто, а на том, почему опыт и уроки Холокоста важны для государства Израиль вообще и для израильской судебной практики в частности. Так что его рассказы достаточно лаконичны и почти не содержат деталей или подробностей.

Наиболее подробно о том, что происходило в его детстве, он рассказывал в интервью музею Яд Вашем в 2010 г.⁹, но и эта запись длится меньше пяти минут. Информация из интервью используется на сайте Яд Вашем в рассказе о Каунасском гетто и праведниках народов мира – литовских фермерах, спасших, в том числе, Барака и его семью. (Кстати, в русскоязычной версии Википедии в статье о Каунасском гетто также используется цитата из воспоминаний Барака¹⁰.)

Таким образом, изначально, в выступлениях и интервью, мы видим «логику неопосредованности» (“the logic of transparent immediacy”), как ее обозначали Дж. Болтер и Р. Грусин [Bolter, Grusin 2000, pp. 21–30]: это личные воспоминания непосредственного участника событий, который рассказывает о прошлом так, как это запечатлела его память. С другой стороны, логика неопосредованности является одной из составляющих «двойной логики ремедиации» (“double logic of remediation”), свойственной европейской культуре, которая «стремится как к умножению медиа, так и к стиранию всех следов медиации. В идеале, она хочет стереть свои медиа в самом акте их умножения» [Bolter, Grusin 2000, pp. 5].

Медиацию рассказов А. Барака мы видим, когда они попадают на видео или в средства массовой информации (печатные и интернет-издания). Последнее особенно интересно, так как акценты там

⁷ Stone Sweet A., Cananea Della G. A conversation with Aharon Barak // German Law Journal. 2021. No. 8 (22). P. 1512–1525. DOI:10.1017/glj.2021.88 URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/conversation-with-aharon-barak/A882F2FAA2F1DE7A44F9FBBE2F49540D> (дата обращения 22 февраля 2023).

⁸ См., например, изложение его выступления: “The Jerusalem Post”: Aharon Barak’s chilling ICJ testimony: ‘Nazis failed to take our humanity. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-783929> (дата обращения 11 сентября 2024).

⁹ Escape from the Kovno ghetto and rescue by the Lithuanian farmers. URL: https://youtu.be/g4Rg_9sGBgM (дата обращения 22 февраля 2023).

¹⁰ Каунасское гетто. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Каунасское_гетто (дата обращения 10 июля 2023).

расставляются с точки зрения корреспондента, который пересказывает его выступление, а не самого Барака. Короткометражный фильм «История Аарона» становится, таким образом, ремедиацией, поскольку документальные интервью переводятся в художественную форму, но с сохранением той же установки на достоверность.

Фильм начинается с элементов игрового кино: разговора бабушки (актрисы Тики Даян) и ее внучки Рони (Ниа Торан) в здании библиотеки Верховного суда Израиля. Разговор о книгах, судьях и необходимости принимать справедливые решения приводит к разговору об Аароне Бараке, который был председателем Верховного суда и одновременно – их соседом. То, что они были соседями и бабушка знакома с ним лично, потом еще повторится в фильме, и это имеет значение, поскольку подчеркивается близость исторических событий к конкретному ребенку: рассказ идет не о каком-то абстрактном политическом деятеле, а о знакомом бабушки, соседе (пусть даже заодно и председателе Верховного суда).

Именно бабушка рассказывает историю детства Аарона Барака. Однако тут добавляются новые визуальные медиа – для начала, личные фотографии из семейного архива Барака и исторические фотографии Каунасского гетто, которые, конечно, придают достоверность рассказу. Как мы знаем, фотография – один из самых очевидных и наиболее востребованных медиа исторической памяти и формирования постпамяти, когда речь идет о травматических событиях. М. Хирш пишет, что «снова и снова тиражирующиеся фотографии Холокоста соединяют прошлое и настоящее через “это было” фотографического изображения. Они вестники ужасной эпохи, которая еще недостаточно далека» [Хирш 2021, с. 187]. Также используются фрагменты кинохроники о жизни евреев в Каунасе до войны. Причем у каждого медиа есть свои функции и свое место в сюжете фильма.

Так, документальные фото- и видеокдры сопровождают рассказ об общем историческом контексте – оккупации Литвы, создании Каунасского гетто и жизни в нем. Но когда речь заходит о личной истории Аарона Барака, начинается анимация как наиболее адаптированное для детского восприятия медиа. В дальнейшем рассказе о бегстве Барака и его мамы из гетто и их жизни в убежище у литовского фермера перемежаются разговор бабушки и внучки (внучка задает вопросы, бабушка отвечает), задающий структуру нарратива и комментирующий исторические реалии, которые могут быть непонятны современным израильским детям, фотографии (когда рассказывается о жизни в гетто и его истории в целом) и собственно анимация (когда речь идет конкретно об Аароне и его семье). На время показа анимационных кадров рассказ бабушки прекращается, история только показывается, сопровождаясь соответствующими

звуками (разговор родителей и маленького Аарона, стук колес, лай собак, шаги охранника, скрип открывающихся ворот и т. п.).

С окончанием войны заканчивается и анимация. Дальнейший бабушкин рассказ о жизни Барака в Израиле сопровождается фотографиями и видеокадрами из совсем недавних новостей, например, когда Аарон Барак через 70 лет приезжает в Литву и встречает семью спасшего его фермера.

В заключительной части фильма бабушка звонит Бараку по видеосвязи, так что он сам может поговорить с девочкой. Отвечая на ее вопрос (“What was it like to be locked in such a small room?” [Каково это было, оказаться запертым в такой маленькой комнате?]), он говорит, что, поскольку был маленьким, помнит об этом не так уж много. Однако есть две вещи, которые он никогда не забудет, и хочет, чтобы Рони запомнила их тоже: “We must always protect the State of Israel and also, humanity and treating others with dignity are essential values” [Мы должны всегда защищать государство Израиль, и человечность и достойное отношение к другим являются самыми главными человеческими ценностями]. Заканчивается все прямым обращением Аарона Барака к детям (к Рони и всем ее друзьям) с призывом уважать достоинство каждого человека вне зависимости от его национальности или религии, потому что “if you do, our world will be a good place to live” [если вы будете так поступать, наш мир станет неплохим местом для жизни].

Таким образом, можно выделить несколько временных планов и несколько медиа в фильме. У нас есть настоящее, где бабушка с внучкой разговаривают и потом звонят Бараку, и есть последовательно разворачивающаяся история его жизни в прошлом – от детства в Каунасском гетто до служения в качестве председателя Верховного суда Израиля. То есть время в фильме совершает круг: настоящее – прошлое – настоящее.

Также у нас есть несколько медиа памяти. Если говорить в целом об истории Барака, то все начинается с личных, обрывочных непосредственных воспоминаний о детстве, о которых он рассказывает в выступлениях и интервью. Это личный рассказ о том немногом, что запомнилось. Однако эти выступления и интервью становятся материалом для различных журналистских репортажей, опять-таки, как видео, так и печатных. Наконец, создается связный художественно-документальный фильм об этих событиях, в котором, кстати, тоже есть медиатор – бабушка, которая рассказывает его историю.

В самом фильме используется несколько медиа: игровое кино, анимация, фотографии из семейного архива (личные) и из архива Яд Вашем (исторические), кинохроника давнего прошлого (во-

енное время), новостные видеорепортажи недавнего прошлого (почти настоящего), наконец, звонок по видеосвязи, т. е. видео-обращение.

Все это приводит к тому, что личная память об исторических событиях помогает формированию памяти коллективной, становится ее частью. Но пока мы имеем дело, по классификации Я. Ассмана, с коммуникативной памятью: о событиях рассказывает их непосредственный участник, отсюда звонок по телефону и разговор с самим Аароном Бараком. Однако распространение и тиражирование фильма (и тем более его перевод на английский язык) приводит к тому, что коммуникативная память постепенно превращается в культурную: никто из нас, зрителей, уже не является соседом Аарона Барака, но все мы запомним его историю как часть истории Холокоста. «История Аарона», таким образом, оказывается частью «специальной заботы» (Я. Ассман) по сохранению памяти о Холокосте.

В фильме, очевидно, присутствует желание «представить прошлое как можно более достоверно», если воспользоваться словами Д. Вертхайма [Wertheim 2009, p. 160], поэтому основные события сохраняются. Однако ремедиация добавляет не только визуальный план, но и детали в историю спасения, например, мы видим отца, который вообще никак не фигурирует в устных интервью Барака. Что-то, конечно, меняется и переосмысливается: так, в интервью Барак рассказывает, что во время бегства (когда его спрятали в мешок) на нем практически сидел один из солдат, а в фильме это превращается в эпизод, как мешок с мальчиком бьют прикладом, так что несколько последовательных ударов создают эффект максимального напряжения. Что понятно: в отличие от юридических речей Барака, фильм рассчитан не только на интеллектуальное, но и на эстетическое – а значит, эмоциональное – восприятие и переживание. За счет этого отчасти и меняются акценты: хотя вопросы закона и справедливости в фильме также поднимаются, центром все-таки является история спасения Аарона Барака; его слова, когда он говорит об уроках, которые надо извлечь из этой истории, завершают фильм.

Конечно, анимационный фильм рассчитан на более широкую аудиторию, чем выступление председателя Верховного суда, даже тиражированное в средствах массовой информации. Вдобавок он прямо ориентируется на детей. Это осуществляется и за счет того, что в разговоре участвует ребенок, и за счет того, что это история ребенка, в первую очередь. Также этому способствует упрощение языка, постоянная смена планов и технических средств (ребенок не успеет заскучать), то, что там нет фотографий или докумен-

тальных кадров, которые могли бы напугать (крови, множества мертвых или полумертвых тел и т. п.), и то, что в конце Аарон Барак выводит ясную и четкую мораль, т. е. цель фильма – рассказать о реальном человеке, которого дети могут видеть по телевизору или даже в жизни (не случайны слова бабушки «они были нашими соседями»), его личную историю – как историю Холокоста, и как этические уроки, которые надо из него извлечь; эмоциональная составляющая формирует общую историческую память и постпамять, о которой писала М. Хирш, то есть ощущение личной причастности к событиям прошлого и переживание их как часть своей собственной истории.

Таким образом, опираясь на труды М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Ж. Ле Гоффа, Л. П. Репиной, М. Хирш, Дж. Болтера и Р. Грусина, Д. Вертхайма, А. Эрл и Э. Ригней и др., мы рассмотрели динамику исторической памяти о Холокосте на примере фильма «История Аарона Барака: история Холокоста». Важной составляющей становления, сохранения и передачи исторической памяти при этом становится ее ремедиация: от краткого устного воспоминания участника событий до развернутого визуально-вербального нарратива в фильме. Ремедиация памяти оказывается необходима не только для ее сохранения, но и для ощущения сопричастности новых поколений к трагическим событиям прошлого и умения извлекать из этих трагедий уроки.

Литература

- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica)
- Ле Гофф 2013 – Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К.З. Акопяна. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
- Репина 2003 – Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
- Хальбвакс 2005 – Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005. С. 16–50.
- Хирш 2021 – Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
- Bolter, Grusin 2000 – Bolter J.D., Grusin R. Remediation. Understanding new media. Massachusetts: The MIT Press, 2000. 295 p.
- Erll, Rigney 2009 – Erll A., Rigney A. Introduction. Cultural memory and its dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / Ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin: N.Y., 2009. P. 1–10.

Wertheim 2009 – Wertheim D. Remediation as a moral obligation, authenticity, memory and morality in representations of Anne Frank // *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory* / ed. by A. Erll, A. Rigney. Berlin: N.Y., 2009. P. 160.

References

- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia. (*Studia historica*)
- Bolter, J.D. and Grusin, R. (2000), *Remediation. Understanding new media*, The MIT Press, Massachusetts, USA.
- Erll, A. and Rigney, A. (2009), "Introduction. Cultural memory and its dynamics", in Erll, A. and Rigney, A., eds., *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA, pp. 1–10.
- Halbwachs, M. (2005), "Collective and historical memory", in *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Remembrance of the war after 60 years. Russia, Germany, Europe], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Hirsch, M. (2021), *Pokolenie postpamyati: pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [Generation of postmemory. Writing and visual culture after the Holocaust], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Le Goff, J. (2013), *Istoriya i pamyat'* [Histoire et mémoire], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Repina, L. P. (2003), *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (Historiographical notes)], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.
- Wertheim, D. (2009), "Remediation as a moral obligation, authenticity, memory and morality in representations of Anne Frank", in Erll, A. and Rigney, A., eds., *Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory*, Walter de Gruyter, Berlin Germany, New York, USA, pp. 157–172.

Информация об авторе

Виктория Я. Малкина, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; poetika@gmail.com

Information about the author

Victoria Ya. Malkina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; poetika@gmail.com